П. В. КОЛОЗАРИДИ

Колозариди Полина Владимировна
младший научный сотрудник,
Лаборатория политических исследований,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 103070, Москва, Кривоколенный пер., 3
Веб-сайт: http://politlab.hse.ru/
исследователь; координатор,
Центр изучения Интернета и общества
Россия, 109028, Москва, ул. Солянка, 3, стр. 1
Веб-сайт: newmediacenter.ru
E-mail: poli.kolozaridi@gmail.com

Родители и гаджеты в большом городе

Аннотация. Предметом исследования стало взаимодействие родителей и гаджетов в городской среде. Статья сконцентрирована на изучении того, как матери несовершеннолетних детей пользуются мобильными устройствами и их сервисами. Были проведены анкетирование, интервью и этнографическое наблюдение. Основной задачей исследования было выявить, как определяются нормы и правила использования гаджетов, от чего они зависят, как меняются в разных городских средах. Выявлено, что отношение к технологиям меняется в зависимости от пространства. Некоторые места, такие как детские площадки и транспорт, воспринимаются как зоны, контролируемые давлением окружающих. Другие, например музеи и театры, представляют контент, успешно конкурирующий с контентом мобильных устройств. Кроме того, родители считают, что в ситуациях, связанных с духовными переживаниями или с насыщенной коммуникацией, использование гаджетов также неуместно. Ключевой положительной чертой мобильных устройств и практик их использования родители называют возможность поддерживать связь между близкими людьми.

Ключевые слова: родители, мобильные технологии, цифровой город, мобильность, практики, нормы

Статья посвящена взаимодействию семей и мобильных технологий в необычном ракурсе — использование мобильных технологий родителями. Необычность ракурса состоит в том, что эта тема фактически остается вне внимания исследователей, изучающих использование гаджетов детьми, когда родители выступают только посредниками [Bovina et al. 2014; Солдатова, Рассказова 2013]. Даже будучи посредниками, родители имеют самостоятельный опыт взаимодействия с сервисами и техникой, который остается непрозрачным для исследователей. Тем более неясно, что влияет на этот

© П. В. КОЛОЗАРИДИ

опыт, например, в городской среде, т. е. как складываются практики и как они связаны с пониманием ситуации самими акторами.

Цель исследования — выявить практики использования гаджетов родителями (в присутствии детей) в различных городских пространствах.

Объект исследования — матери несовершеннолетних детей.

Предмет исследования — практики использования гаджетов во время пребывания с детьми в разных частях городского пространства и причины различия этих практик в зависимости от типа городского пространства (кафе/транспорт/детская площадка).

Цель теоретического обзора — концептуализировать проблему и выявить первичные гипотезы и показатели, которые позволят задать рамки для эмпирического исследования. Анализ литературы проводится поэтапно: во-первых, показаны основные подходы к пониманию взаимодействия современного человека и технологий, во-вторых, сделан обзор на тему взаимодействия семьи (в лице родителя и ребенка) с гаджетами, в-третьих, исследования родителей концептуализированы в категориях городских практик. Отсюда выведены основные гипотезы и основы для практического изучения предмета исследования.

Эмпирическое исследование состоит из нескольких этапов.

1. Онлайн-анкетирование родителей, в котором получают обоснование гипотезы о разных контекстах и правилах, влияющих на нормативизацию отношения к гаджетам.

2. Глубинные полуформализованные интервью, в которых можно выявить стратегии легитимации разных подходов к использованию гаджетов в процессе взаимодействия с ребенком в городе.

3. Включенное наблюдение на детских площадках разного типа.

В заключительной части анализируются полученные данные и выявляются основные практики использования технологий родителями в различных «городских фреймах»; на материале глубинных интервью выдвигаются предположения об основных причинах различий в практиках использования гаджетов родителями.

Теория

Взаимодействие пользователя с цифровой средой, с гаджетами и сервисами происходит в определенной среде, в пространстве, правила которого могут влиять на пользовательские привычки. И, наоборот, гаджеты влияют на то, как складываются отношения в пространстве [Kitchin, Dodge 2011]. Взаимодействие в городской среде — одна из самых изученных тем, и поэтому я обращаюсь к ее инструментарию. Режимы использования техники могут объясняться, в частности, различием алгоритмов власти, действующим в каждом пространстве [Амин, Трифт 2002]. Под воздействием разных алгоритмов власти возникает социальный порядок, формируются правила. Иногда эти правила напрямую показывают, какие действия нормативны, а какие нет. Другие предполагают косвенное указание на нормативность. Отсюда, как я предполагаю, использование или неиспользование гаджета — это одновременно результат действия норм, но вместе с тем сама практика влияет на устройство пространства, «сопроизводит» его [Forlano 2013].

Но такое взаимодействие правил не означает, что сами люди лишь детерминированы обстоятельствами своего медиапотребления или производства. Оптика социологии города не исключает обращения к тому, как сами акторы понимают ситуацию, что они видят в своих практиках. Отношение к цифровым устройствам не лишено проблем. Количество гаджетов и практик их использования растет непропорционально росту навыков [Качкаева, Кирия 2012]. Речь идет не только об умении использовать технику, но и о навыках регулирования медиажизни. Порой между этими навыками возникает неравновесие, которое порождает у пользователя сомнения в собственной компетентности, опасения по поводу «интернет-зависимости» у детей и родителей. Оценивая использование онлайн-среды, ученые говорят о роли доверия и умения взаимодействовать с ситуацией [Green 2006; Helsper 2008; Blank, Dutton 2012]. Последнее означает умение не только выполнять определенные функции, но также контролировать и понимать собственные практики.

В ситуации с родителями эти опасения приобретают колоссальный масштаб, поскольку, по мнению родителей, на них лежит ответственность за поведение ребенка. Городская среда может усиливать необходимость контроля, например, в ситуации скуки [Козьмина, Сивак 2015], или, наоборот, ослаблять ее. Часть практик признается полезными, часть — вредными; это различие часто наследуется и исследовательским дискурсом. Например, результативность использования гаджетов обычно замеряют, исходя из того, что учеба или поиск информации относятся к положительным задачам. Это обусловлено более глубокой проблемой в изучении коммуникации: так, общение по поводу конкретной задачи, связанное с получением информации, характеризуется (и мужчинами, и женщинами) как хорошее, взрослое, мужское дело, а общение без особенной цели — как подростковое, невзрослое, женское [Crawford 2010]. Но структура цифровой жизни усложняется. Нельзя сказать, что использование, скажем, социальных сетей — это совершенно определенная практика: люди могут использовать социальные сети и для работы или учебы, и для досуга. Современные мобильные гаджеты постепенно изменяют бинарную оппозицию «технологии для дела *vs* технологии для развлечения». Медиаграмотность предполагает, что человек умеет пользоваться цифровыми СМИ в целом, а не только их информационными или развлекательными функциями, которые, например в социальных сетях, становятся неразличимыми. Но различение полезных и вредных функций продолжает использоваться, и оно сказывается на отношениях между поколениями, на том, как дети пользуются Интернетом, а родители стараются быть им примером. В исследовании [Lou et al. 2010] выявляется положительная связь между родительским участием в онлайн-практиках и умением детей использовать технику себе на пользу. Но само значение различий вредного и полезного меняется, поскольку медиа и технологии становятся индивидуализированными, а практики со временем все больше различаются. Если каждый член семьи использует технику самостоятельно, следует понять, в частности, как родители распознают виды практики, с чем они связывают разницу между вредным и полезным.

Таким образом, мы имеем дело с подходами двух типов, которые могут описывать формирование правил по поводу использования гаджетов, — это отношение к практике использования технологии как таковой и к тем ситуа-

циям, в которых это может происходить в рамках городского пространства. Уместно рассматривать эти подходы в их связи друг с другом. Ключевыми для эмпирической проверки будут предположения о том, насколько проявляются элементы недоверия к технологиям; восприятие родителями себя как эталонов и посредников для детей; взаимодействие с разными типами власти, связанными с городскими практиками, — с формальными институтами и «давлением равных» (peer pressure); и наконец, различением практик как элементов отвлечения на ненужные «женские» дела в противовес «эффективному» времяпрепровождению.

Методология

Исходя из комплексного теоретического подхода, я использую комплексный подход к полевому исследованию проверки гипотез.

Во-первых, было проведено анкетирование, позволившее выделить группы матерей[1], исходя из их отношения к времяпрепровождению с ребенком, выработать те характеристики, сообразно которым выстроена выборка: по количеству и возрасту детей, району проживания (все респондентки жили в Москве) и виду занятости. Далее были проведены этнографические наблюдения. Они позволили зафиксировать случаи, в которых родители используют телефон, и продолжительность его использования, а также выявить их цели: звонок, сообщение или чтение. Задача состояла в том, чтобы понять, как действует пространство разных детских площадок (из первых интервью выяснилось, что наиболее сложно устроенное пространство — это детские площадки; подробнее об этом см. ниже).

Далее с помощью восьми глубинных интервью я классифицировала режимы использования гаджетов и соотнесла их с факторами, действующими на респондентов.

Основной метод в данном исследовании — это интервью; анкетирование и наблюдение служили дополнениями, проясняющими и проблематизирующими отдельные аспекты, которые освещались в интервью. Поэтому анализ главным образом сосредоточен на результатах этого метода.

Городские пространства с ребенком

Посещение разных мест во многом обусловлено несколькими факторами, которые в первую очередь сосредоточены вокруг темы мобильности. Это исследование не представляет репрезентативной выборки[2], поэтому я не буду говорить об однозначном влиянии пространства или типа родительского поведения на практику, но перечислю особенности среды и родителей, необходимые для понимания выводов и самого анализа.

1. Наличие или отсутствие доступной инфраструктуры.

[1] Теоретическая рамка, предполагающая немалую роль гендерного вопроса, заставила обратить внимание на один тип респондентов, и это были женщины.

[2] Выборка представляет разнообразие подходов, но не претендует на отражение социального слоя или другой информации, которая обычно доступна в результате крупных количественных замеров.

2. Возраст и количество детей (в основном чем старше ребенок, тем больше возможность проводить время в городской среде, а не дома или в детском саду).

3. Темперамент ребенка (более подвижные и эмоциональные дети указываются как причина низкой мобильности).

4. Родительские стратегии («интенсивное материнство» или, наоборот, предоставление ребенку свободного времени).

Исходя из всех этих факторов и их разнообразия, описывается, какие пространства чаще всего упоминаются в связи с практиками при времяпрепровождении с детьми, и как родители их классифицируют.

Детские площадки. Это самое неоднозначное пространство. Одни матери говорят о них как о «ярмарках тщеславия», где каждый старается выглядеть как хороший родитель, другие — как о пространстве уединения с ребенком, третьи — как о возможности отдохнуть им самим, наконец, четвертые отмечают, что площадка — это пространство общения между родителями, нянями, бабушками так же, как между детьми[3]. Зачастую разные фреймы площадок есть у одних и тех же матерей, и эти фреймы меняются в зависимости от ситуации. Как я выяснила в рамках этнографического наблюдения, фрейм зависит также от расположения площадки и ее наполненности. Более крупные площадки, где много возможностей занять детей разного возраста, располагают либо к общению между взрослыми, либо к уединению с гаджетом/книгой/вязанием. Площадки, где есть один-два снаряда и горка, скорее становятся пространством для общения и игры с ребенком; там гаджетами не пользуются или пользуются меньше. Имеет значение и наличие места, где родители могут быть отдельно от ребенка, возможность или невозможность контролировать пространство перемещения ребенка (наличие ограды, близость к автодорогам). Чем больше возможностей для контроля, тем выше вероятность использования гаджетов. Это подтвердилось и в интервью, где респондентки говорили о том, что в некоторых случаях использование гаджетов отрицательно влияет на их внимание (например, переписка) или на способность услышать что-то, протянуть руку и помочь ребенку (в случае разговора по телефону).

Музеи и театры. Все респондентки отметили, что считают неуместным использование гаджетов в театрах и музеях, так как это отвлекает от и без того нечастого времяпрепровождения в этих заведениях, от восприятия места и от общения с ребенком. Но это связано в первую очередь с насыщенностью контента, который осознается как полезный или привлекательный, поэтому родители стараются не отвлекаться от него и не отвлекать ребенка, если тот вовлечен:

> Я пришла в музей для своего удовольствия, зачем мне телефон, что я там буду делать? (У., один ребенок, 1,5 года, живет за городом в частном доме).

[3] Строго говоря, все считают, что на детской площадке взрослые общаются, но иногда это общение сводится к разрешению конфликтов между детьми. Такой тип общения, однако, считается вынужденным.

Детские поликлиники были безусловно признаны подходящим местом, чтобы использовать гаджеты не только самостоятельно, но и вместе с ребенком (если есть планшет или телефон с собой):

> В поликлинике гаджет необходим! По-другому изолироваться от этого всего — от орущих бегающих детей и нервов, которые ты испытываешь. Гаджет — это для меня, когда я нервничаю. Ты убегаешь от действительности, и это хорошо и плохо (А., двое детей, 8 и 2 лет, живет на юге Москвы).

Кроме того, в современных московских поликлиниках чаще всего небольшие очереди, а также висят экраны, на которых показывают мультфильмы. Это предполагает, по мнению респонденток, что современные медиа уже включены в пространство поликлиники, следовательно, не зазорно использовать там и личные гаджеты.

Общественный транспорт для некоторых матерей насыщен давлением окружающих:

> Я знаю, что это полный бред. Но мы едем в метро, рядом ребенок, я сижу в телефоне, а люди могут думать: «У-у-у, мамаша, сидит в телефоне». В пассажирах метро я вижу обобщенного родителя, может быть, обобщенную маму. Особенно важно, что это женщины, если бы напротив меня одни мужчины сидели, я бы чувствовала это? (Л., один ребенок, 5 лет, живет на юго-западе Москвы).

Кафе и рестораны не имеют самостоятельной специфики в рассматриваемом аспекте. Если в рамках родительской стратегии мать считает уместным пользоваться гаджетом в присутствии ребенка, то в кафе эта практика сохраняется. Родительская стратегия обусловлена несколькими факторами — от возраста ребенка и количества детей до общих представлений о том, как следует вести себя с детьми[4].

Церкви и пространства, связанные с «духовностью». В ответ на вопрос о том, где телефон неуместен, респондентки чаще всего говорили о местах, связанных с «духовностью», имея в виду церкви, в меньшей степени театры и музеи. Неуместность пользования гаджетами может быть связана с местом или с ситуацией:

> Есть духовные моменты, когда я убираю телефон. Я вижу по ребенку, когда у нас бывают какие-то личные моменты общения, я понимаю, что сейчас не место телефону. ‹…› Гаджет воспринимается как какие-то семечки, как привычка плохая. Где-то уместно покурить, а вот сидя у храма — неуместно. А где-то нельзя не покурить. Вот здесь то же самое (К., один ребенок, 9 месяцев, живет на востоке Москвы).

[4] Небольшая выборка не позволяет делать сильных выводов по поводу того, какие родители более или менее склонны использовать гаджеты при ребенке. Влияние на эту стратегию образования, ценностей, количества и возраста детей и т. д. — интересный вопрос для будущих исследований.

Выводы

Самое большое влияние на практики родителей в городской среде оказывает восприятие пространства. Поведение матерей в различных пространствах в большей степени диктует им правильность/неправильность их взаимодействия с гаджетами во время общения с детьми, нежели само присутствие или отсутствие детей в этих пространствах.

Основными факторами, определяющими отношение к пользованию гаджетами в присутствии ребенка, оказались следующие.

1. Субъективная оценка полезности. Полезными признаются практики, не вовлекающие в неопределенные действия, способствующие развитию семейных и околосемейных, реже — рабочих связей:

> Мир так сильно изменился, что я не встречаюсь каждые выходные с друзьями. У меня семья, у друзей семья. Тем не менее мне хочется поделиться — вот мои дети, вот я. Как такая встреча. Когда я выкладываю свои фотографии, фотографии своих детей, для меня это возможность поддерживать связь (М., двое детей, 8 и 4 лет, живет на западе Москвы).

2. Субъективная категория важности события, происходящего в это время в офлайн-среде. Это связано с несколькими объяснительными моделями. Во-первых, использование гаджетов, по нескольким оценкам, может разрушать коммуникацию в религиозном или квазирелигиозном пространстве. Во-вторых, активная коммуникация с помощью телефона или планшета может отвлекать от вовлеченного общения с ребенком. Наконец, использование гаджета оказывается неприемлемым в определенных ситуациях общения — в тесном кругу (друзей и родственников), при редкой встрече с друзьями.

3. Возможность оценки окружающих, в первую очередь негативной оценки других матерей (разновидность давления окружающих, но включающая и более сложную парадигму — оценку со стороны матерей, наделенных большей властью и/или опытом).

4. Наличие вовлекающей среды. В среде, где вовлечение больше, гаджеты используются реже. К таким местам относятся музеи и детские площадки, где много занятий и для детей, и для родителей и много возможностей для их совместных практик. Наряду с функциональными потребностями причина для пользования мобильным устройством в таких пространствах — скука, отсутствие вовлечения.

Вид занятости и место проживания не оказали большого влияния на ответы респонденток. Конечно, выборка не претендует на репрезентативность; для более полного понимания проблемы следовало бы исследовать более широкую и разнообразную выборку. В интервью женщины были склонны объяснять некоторые свои действия способом организации своего труда. В частности, для женщин, работающих в режиме гибкого графика, отсутствие внешней регламентации времени, проводимого с ребенком, диктует необходимость создания специфических фреймов взаимодействия с ребенком в своей повседневности. Фреймы создаются для того, чтобы использование гаджета стало регламентированным — либо оно нужно для чего-то, связанного с ребенком

или ближним кругом (фотографирование, прослушивание аудиосказок), либо вовсе не востребовано. Стоит отметить отличие гаджетов от старых медиа, которые не являются персональными, поэтому чаще используются в совместном досуге (например, просмотр телепрограмм).

Значительный фактор — район проживания — оказался косвенно связан с рассматриваемой проблемой. Я полагаю, что большее значение имеет мобильность семьи в целом: возможность использования автомобиля, отношение к общественному транспорту, представления о пользе и вреде общественных практик совместно с ребенком. Меньшая мобильность ведет к большей вовлеченности в использование гаджетов, так как это становится базовым способом поддерживать связи. По утверждениям респонденток, когда они проводят время в перемещениях между родственниками и друзьями, в общественных пространствах, они реже пользуются гаджетами, чем в отсутствие таких практик. Исключения возникают, если родители против использования гаджетов, считают их вредными или ненужными. Наконец, особенно в случае с дошкольниками, имеет значение наличие рядом с домом детской площадки, которая становится одним из основных пространств социализации детей и родителей.

В целом правила интерфейсов имеют большее значение для практик, не связанных с теми местами, которые явно диктуют свои правила. К местам, где правила города доминируют над правилами интерфейса, относятся религиозные учреждения, пространства высокой культуры (театры, музеи), а также пространства, где может ощущаться давление окружающих, потенциально небезопасные пространства. Гаджеты представляются неуместными и в интимном общении, хотя это менее формализованный аспект. В частности, интимность представляется свойством, которое может быть разделено с семьей (в том числе расширенной); четких правил пользования гаджетами тут не существует. Напротив, правила интерфейса действуют в менее насыщенных правилами города ситуациях — дома, в кафе, в магазинах, на детских площадках, где ребенок может действовать самостоятельно и нет давления окружающих. Но даже в этих случаях представления о негативной роли гаджетов продолжают действовать, матери поддерживают разделение «полезных» и «лишних» практик. Полезными признаются практики, связанные не только с работой, но и с общением с близкими.

* * *

Основной вывод этой работы позволяет на первом этапе исследования выявить конфликт между правилами города и правилами цифровых устройств и сервисов. Конфликт возникает не из-за различия этих правил, а скорее из-за все большего сходства городской и цифровой инфраструктуры. Город и гаджет конкурируют за внимание пользователя — это наблюдение не ново. Но важно, что в этой конкуренции выигрывают не только наиболее вовлекающие практики, но и те, что оцениваются как социально полезные.

Главный вред цифровых устройств, с точки зрения матерей, — это разрушение связей, уничтожение вовлеченного «здесь и сейчас», которое считается одним из условий родительской стратегии.

Основная польза — это создание новых или поддержание старых связей. Огромную роль телефон играет в поддержании семьи (в том числе расширенной семьи), круга близких друзей. Это важно, потому что в начале интервью

респондентки скорее соглашались с критикуемой К. Кроуфорд традицией разделять коммуникативные практики на «мужские» (практичные) и «женские» (ненужное общение, необходимое исключительно для поддержания связей) [Crawford 2010]. По крайней мере в рамках данного исследования мы видим, что внутри дискурса самих женщин эта оппозиция не работает.

Наконец, мы увидели, что в отношении современных родителей наиболее сильный фактор производства отношений — давление окружающих, а не административные или культурные запреты. Самое сложное с точки зрения распределения власти пространство — детская площадка. Далее следует «коллективная мать» в общественном транспорте. Опасение женщин относительно того, что их материнский опыт недостаточно хорош и правилен с точки зрения других родителей, создается в открытом городском пространстве, где каждый может наблюдать за каждым. Почти все участницы исследования замечают раздражающие их практики других родителей и стараются избегать таковых в своем поведении. Негативная роль гаджета в этом случае связана с нарушением своеобразной коллективности, которая возникает в местах скопления детей и родителей. Громкий разговор (нарушение пространства других) или постоянное использование телефона (в результате чего ребенок остается на попечении коллектива) признаются нарушающими условия общественного пространства, где ответственность за детей полностью лежит на их родителях:

> Когда человек сидит в телефоне, он молчит и не вовлекает меня. А когда говорит по телефону, он как бы вовлекает меня. Он не следит за своим ребенком, то есть часть ответственности на меня перекладывает — я тоже должна следить за ним (М., двое детей, 8 и 4 лет, живет на западе Москвы).

Ограничением этого исследования является то, что в нем участвовали только матери. При этом практики матерей, их детей и других членов семей связаны друг с другом. Поэтому в дальнейшем следует уделить больше внимания изучению семейных практик разного типа, включая отношения с гаджетами самих детей, отцов, бабушек, дедушек и т. д.

Еще одно ограничение — исследование проходило в Москве, где велик доступ к разным способам времяпрепровождения с детьми. По единичному кейсу нельзя сделать значительных выводов, поэтому имеет смысл провести сравнение разных городских сред.

Следующее ограничение — исследование имеет значение для понимания цифровой среды 2016 г., когда использовались по преимуществу смартфоны, в меньшей степени планшеты. Форм-фактор имеет большое значение, и с большой вероятностью условия могут измениться с изменением самих гаджетов и сервисов.

Наконец, немало ограничений ставит изучение только женских практик. В российской семейной культуре женщина играет основную роль в воспитании ребенка. Отцы проводят с детьми меньше времени, и можно предположить, что их практики могут быть другими: менее «интенсивными» в том смысле, в котором мы говорим об интенсивном материнстве. Необходимо понять, что это означает с точки зрения понимания отца как пользователя. Играют ли гаджеты роль медиаторов между отцами и детьми? Отличается ли взгляд мужчин на давление со стороны окружающих? Эти вопросы требуют внимательного исследования и ответа.

Литература

Амин, Трифт 2002 — *Амин Э., Трифт Н.* Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3. Цит. по электрон. версии. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/14.pdf.

Качкаева, Кирия 2012 — *Качкаева А. Г., Кирия И. В.* Долгосрочные тенденции развития сектора массовых коммуникаций // Форсайт. Т. 6. №. 4. 2012. С. 6–18.

Козьмина, Сивак 2015 — *Козьмина Я. Я., Сивак Е. В.* Влияют ли на родительскую самоэффективность разногласия с родственниками по поводу правил воспитания и ухода за ребенком? // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 81. № 4. 2015. С. 65–81.

Солдатова, Рассказова 2013 — *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И.* Роль родителей в повышении безопасности ребенка в Интернете: классификация и сопоставительный анализ // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 3–14.

Blank, Dutton 2012 — *Blank G., Dutton W. H.* Age and trust in the Internet: the centrality of experience and attitudes toward technology in Britain // Social Science Computer Review. Vol. 30. No. 2. 2012. P. 135–151.

Bovina et al. 2014 — *Bovina I. B., Dvoryanchikov N. V., Budykin S. V.* Shared meanings about information security of children: An exploratory study // Procedia — Social and Behavioral Sciences. Vol. 146. 2014. P. 94–98.

Crawford 2010 — *Crawford K.* What's happening? Banality and intimacy in mobile and social media // Humanities Australia. No. 1. 2010. P. 64–71.

Forlano 2013 — *Forlano L.* Making waves: Urban technology and the co-production of place // First Monday. Vol. 18. No. 11. 2013. URL: http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/4968/3797.

Green 2006 — *Green R. M.* Unpacking "I Don't Want It" — why novices and non-users don't use the Internet // First Monday. Vol. 11. No. 9. 2006. URL: http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/1395/1313.

Helsper 2008 — *Helsper E.* Internet use and opinion formation in countries with different ICT contexts // Observatorio (OBS*). Vol. 2. No. 3. 2008. URL: http://obs.obercom.pt/index.php/obs/article/view/188.

Kitchin, Dodge 2011 — *Kitchin R., Dodge M.* Code/space: Software and everyday life. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.

Lou et al. 2010 — *Lou Sh.-J., Shih R.-Ch., Liu H.-Tz., Guo Yu.-Ch., Tseng K.-H.* The influences of the sixth graders' parents' Internet literacy and parenting style on Internet parenting // TOJET: The Turkish Online Journal of Educational Technology. Vol. 10. Issue 4. 2010. P. 173–184. URL: http://www.tojet.net/articles/v9i4/9417.pdf.

Parents and gadgets in the big city

Kolozaridi, Polina V.
Junior Research Fellow, Laboratory for Political Studies,
National Research University Higher School of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20
Website: http://politlab.hse.ru
Research Fellow, Center for the Study of New Media and Society
Russia, 109028, Moscow, Solyanka str., 3 bld. 1
Website: newmediacenter.ru
E-mail: poli.kolozaridi@gmail.com

Abstract. The article presents an investigation into the interrelationship between parents and their mobile practices in the urban environment. Our focus was on young mothers who use mobile devices when communicating with their children in different city locations: playgrounds, museums, public transportion etc. The study involved three methodological approaches: a questionnaire, interviews, and observation of playgrounds. The main question posed in our research was to determine the factors, norms and practices that shape usage of mobile devices in different urban environments. We determined that attitude to the devices changes depending on the various urban spaces where they are used. Playgrounds and public transportion are viewed as a zone for peer pressure where the norms depend on the situational frame. Such localities as museums and theaters provide a rich content that successfully competes with the digital one. Parents also regard technology as redundant in intimate and spiritual contexts. It is also true that different mobile practices depend on the type of embodiment, e.g. calling has special disadvantages because of bothering other people, but it allows one to see what is going on with the children, while using social network sites or messengers is more eye-catching. Finally, the most important positive aspect of using mobile devices is maintaining close ties between family members and/or within an extended family.

Keywords: parents, mobile technologies, digital city, mobility, practices, norms

References

Amin, E., Trift, N. (2002). Vniatnost' povsednevnogo goroda. *Logos* [Transl. from Amin, A., Thrift, N. (2002). *Cities: Reimagining the urban*. Cambridge: Polity]*, 2002*(3). Retrieved from http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/14.pdf (In Russian).

Blank, G., Dutton, W. H. (2012). Age and trust in the Internet: The centrality of experience and attitudes toward technology in Britain. *Social Science Computer Review, 30*(2), 135–151.

Bovina, I. B., Dvoryanchikov, N. V., Budykin, S. V. (2014). Shared meanings about information security of children: An exploratory study. *Procedia — Social and Behavioral Sciences, 146*, 94–98.

Crawford, K. (2010). What's happening? Banality and intimacy in mobile and social media. *Humanities Australia,* 1, 64–71.

Forlano, L. (2013). Making waves: Urban technology and the co-production of place. *First Monday, 18*(11). Retrieved from http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/4968/3797.

Green, R. M. (2006). Unpacking "I Don't Want It" — why novices and non-users don't use the Internet. *First Monday, 11*(9). Retrieved from http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/1395/1313.

Helsper, E. (2008). Internet use and opinion formation in countries with different ICT contexts. *Observatorio (OBS*), 2*(3). Retrieved from http://obs.obercom.pt/index.php/obs/article/view/188.

Kachkaeva, A. G., Kiriia, I. V. (2012). Dolgosrochnye tendentsii razvitiia sektora massovykh kommunikatsii [Long-term trends in development of mass communications]. *Forsait* [Foresight]*, 6*(4), 6–18. (In Russian).

Kitchin, R., Dodge, M. (2011). *Code/space: Software and everyday life*. Cambridge, MA: MIT Press.

Koz'mina, Ia. Ia, Sivak, E. V. (2015). Vliiaiut li na roditel'skuiu samoeffektivnost' raznoglasiia s rodstvennikami po povodu pravil vospitaniia i ukhoda za rebenkom? [Do disagreements with relatives concerning child upbringing and care influence parents' self-effectiveness?]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], *81*(4), 65–81. (In Russian).

Lou, Sh.-J., Shih, R.-Ch., Liu, H.-Tz., Guo, Yu.-Ch., Tseng, K.-H. (2010). The influences of the sixth graders' parents' Internet literacy and parenting style on Internet parenting. *TOJET: The Turkish Online Journal of Educational Technology, 10*(4), 173–184. Retrieved from http://www.tojet.net/articles/v9i4/9417.pdf.

Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I. (2013). Rol' roditelei v povyshenii bezopasnosti rebenka v Internete: klassifikatsiia i sopostavitel'nyi analiz [Parents' role in enhancing children's online-safety: classification and comparative analysis]. *Voprosy psikhologii* [Problems of psychology]*, 2013*(2), 3–14. (In Russian).

Kolozaridi, P. V. Parents and gadgets in the big city. *Shagi / Steps*, *3*(2), 142–153